

Мария Ерова

На берегу неба

УДК 82-3
ББК 84-4
Е76

Ерова М.

Е76 На берегу неба / Мария Ерова. – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-521-93923-7

Она: У меня был шикарный выбор: либо запертые на замок двери закрытого учреждения, либо санаторий на берегу моря. Я выбрала второе, и не ошиблась. Это лето могло бы стать лучшим в моей жизни, но... Это лето стало самой моей жизнью, потому что я повстречала его...

Он: Я встретил её по дороге к морю, и за какие-то несколько минут она стала для меня всем – и морем, и жизнью, и любовью. Но теперь мне предстоит лишь признаться ей в том, кто я на самом деле...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93923-7

© Литнет, 2026

© Ерова М., 2026

Глава 1

Кайли

Мелкий гравий шуршал под колёсами автомобиля, царапая не только его покрышки, но и мой слух. Я поморщилась от этих звуков, но вслух сказать ничего не решилась: мама улыбалась, как ни в чём небывало, и смотрела строго перед собой на дорогу. Она знала, как я ненавижу все эти скрипы, царапающие звуки. Ну, или по крайней мере, догадывалась. Но у неё была подготовлена для меня своя «школа жизни», и меня достаточно редко спрашивали, что мне нравится, а что нет.

Тусклое предзакатное солнце уходило за горизонт, так и не порадовав нас сегодня ни теплом, ни светом. День был пасмурным, отчего же вечеру быть иным? Прямо как моё безрадостное состояние бесконечной меланхолии, что длилось уже более года. С того самого момента, как...

Я тряхнула головой, пытаюсь отогнать от себя все эти нерадостные мысли. Какой смысл изводить себя прошлым, ведь его всё равно не удастся изменить. Так говорил мне мой психолог, между прочим, кандидат медицинских наук. И я верила ему, но отчего-то пустота, поселившаяся в душе после *его* ухода, никуда не девалась.

Когда мы добрались до того места, откуда уже виднелся пляж, и, самое главное, море, я очень внимательно попыталась рассмотреть его. Отсюда казалось, что это малюсенький осколок кривого зеркала, невесть откуда как попавший в нашу Вселенную. Он блеснул, отражая остатки хмурого дневного света, и был так спокоен, безмятежен, молчалив.

Дорога, пролегающая в этой местности, позволяла наблюдать, как море «приближается», хотя это именно мы становились всё ближе к морю. Мы, несущие ему свои радости и беды, грустные мысли и мечты, что, возможно, никогда не сбудутся. Но море принимало

всех и молча выслушивало всё, с чем к нему приходили. Не перебывая, ничего не советуя и оставляя за тобой принятие самых важных решений. Море было самым лучшим психотерапевтом. И оно уже было так близко...

— Останови... — я искоса взглянула на мать, пытаюсь понять, выполнит ли она мою просьбу.

Моя мама, Линда Судорес, высокая фигуристая блондинка, которой было чуть за сорок, в точности повторила мой жест, скосив глаза в огромных солнцезащитных очках в мою сторону. Она была... своеобразной женщиной, а потому никогда нельзя было понять, как она отреагирует на ту или иную просьбу. В ней странным образом уживались консервативные и современные взгляды, она не была занудой или ханжой, но её мнение было исключительно правильным. И точка.

— Кайли... — недовольно произнесла она, вождение было одним из её любимых занятий, и она не хотела его прерывать, особенно сейчас, когда мы ехали в такой близости от моря, и влажный солёный ветер обдувал наши лица. — Боюсь, мы можем опоздать.

Второй страстью этой женщины, после вождения, была нездоровая пунктуальность. Да, я тоже всегда считала, что опаздывать — это плохо, и всё же, не позволять себе чуточку расслабиться, загнав в жёсткие рамки времени, тоже было слишком.

— Меня тошнит, — без зазрения совести соврала я.

На самом деле, мне хотелось рассмотреть море поближе. И бунтарство, ещё не совсем уснувшее во мне с возрастом подростка, иногда не гнушалось даже такими приёмами.

Поджав губы, мама остановила машину. Я тут же выбралась наружу, поправив шапочку на тёмных волосах — ветер, действительно, был сильный, и простудиться в первые же дни пребывания в санатории мне не хотелось. Тем более, что синоптики уже завтра обещали солнечную погоду. А это значило, что я смогу выбраться на пляж не в куртке и джинсах, а в купальнике. По крайней мере, я очень на это надеялась.

Немного постояв и сделав вид, что пытаюсь отдышаться, я настойчиво двинулась к морю.

– Кайли! – возглас мамы вонзился мне в спину, словно нож. Ждать она не умела. Но я, вырвавшись на свободу за пределы душевной кабины её автомобиля, могла умело притворяться глухонемой.

Вскоре крупная разноцветная галька сменилась песком, в котором мои тряпичные кроссовки утопали почти по щиколотку, но я не обращала на это особого внимания. Море манило. Даже сейчас, будучи серым, каким-то безжизненным и казавшимся совсем не приветливым, оно звало. Добравшись до самой кромки воды, я остановилась, пытаюсь охватить море взглядом. Но расстояние, высота и глубина окружавшего его пространства, казалась мне сейчас сравнимой лишь с просторами самой Вселенной. И я, закрыв глаза, просто протянула к нему руки, то ли приветствуя, то ли пытаюсь обнять необъятное.

Рядом с ним, этим морем, на которое я поначалу так не хотела ехать, я почувствовала то, что не чувствовала уже очень давно. Будто сама жизнь, потихоньку, болезненно, словно рука после ночного затекания, запульсировала в моём теле, от макушки до пят. Море словно сулило мне скорые перемены в жизни, хотя я не была уверена, что готова их принять.

За спиной я слышала, как хлопнула дверца машины. А после раздались и нетерпеливые шаги моей матери – она пыталась торопиться, но гладкие камни не были приспособлены для спешки, и Линда часто оступалась, спотыкаясь. Но вскоре и её мучениям пришёл конец.

Взяв меня за локоть, она попыталась развернуть меня к себе, однако, пока не устраивая истерик и не повышая голоса. Однако она вся была напряжена, я это чувствовала, но оторваться от лицезрения моря было, действительно, очень сложно.

– Милая, нам действительно пора! – произнесла она, настойчиво утягивая меня подальше от берега. Солнце опускалось всё дальше за горизонт, и уже заметно потемнело.

– Да, мам, – уныло произнесла я, утешая себя тем, что вскоре она оставит меня в покое. И я смогу лицезреть море каждый божий день. А пока нужно было уступить...

Устроившись в своих креслах, мы продолжили путь в тишине, не обменявшись больше ни единым словом. У нас попросту не было общих тем для разговора, слишком уж разными людьми нам довелось появиться на этот свет.

В подоспевших сумерках зажглись фары нашего автомобиля, и стало немного жутко, некомфортно, потому как если слева от нас располагалось огромное водное пространство, то справа шелестел дремучими тёмными кронами непроходимый лес. При свете дня я на него и внимания бы не обратила, но сейчас, в темноте, он казался мне огромным захапистым чудовищем, способным проглотить нашу маленькую машину вместе с нами в два счёта. Вы скажете, что это были лишь детские страхи, но... Каким-то особым чутьём я ощущала, что его действительно стоит опасаться.

Внезапно, в свете фар нашего автомобиля, мелькнуло нечто, что напугало меня до чёртиков. Это «нечто», врезавшись в лобовое стекло, отлетело в сторону, раздался скрежет тормозов и громкий вскрик моей матери. Хорошо, что она была водителем со стажем и сумела вовремя взять себя в руки, отключив панику и остановив автомобиль – я бы на её месте могла впасть в настоящую истерику. Хотя я и так держалась из последних сил, молча вцепившись в ремень безопасности и с трудом пытаясь остановить бешено грохочущее в груди сердце.

– Кайли, – отдышавшись, сообщила мне мать. – Я должна выйти наружу, и...

Я часто закивала, хотя мне по-прежнему было страшно до ужаса. Потому как по каплям крови, стекавшим с лобового стекла нашей машины, было понятно и так: мы кого-то сбили. И этот «кто-то» вполне даже мог оказаться человеком...

Глава 2

Джейк

Сегодняшний день не задался с самого утра. Я проспал, а потому опоздал на занятия и едва не пропустил тренировку. Виной всему был моросящий дождь, что словно специально путал все мои планы. Он вызывал сонливость и невнимательность, и мне «посчастливилось» поскользнуться на размокшей дорожной глине, вывихнув плечо.

Боль была просто ужасной. Хорошо, что такие, как я, быстро восстанавливаются, и уже через пару минут я был, как новенький. Хуже обстояло дело с моей гордостью. Ведь моё падение произошло на виду у всех, и парни гоготали, как рождественские гуси, над моей неуклюжестью. Конечно, это было лучше, чем сочувствие, жалость я терпеть не мог с детства. И, окажись на моём месте любой другой, я поступил бы точно так же — смеялся бы во весь голос, ибо в нашем кругу слабость неприемлема.

То есть, боль от вывихнутого плеча прошла быстро. А вот ехидные насмешки и глупые шуточки преследовали меня в этот день до самого вечера. Я их заслужил, и всё же мне было неприятно.

Когда началась тренировка по лакроссу, я тоже отличился не лучшим образом. Собраться не получалась, невнимательность просто зашкаливала, что невероятно раздражало других игроков по команде. Я и сам держался из последних сил, чтобы не психануть. Но это время нужно было просто пережить. Ибо до полнолуния оставалась всего лишь неделя...

— Эй, Дарти, ты пасуешь, как девчонка! — срывая с головы шлем после очередной моей неудачи, заорал на меня капитан нашей команды Спенсер. — Да что с тобой сегодня?! Соберись, тряпка!

Я закрыл глаза, чтобы перевести дух и не нагрубить в ответ. Всё-таки, Спенсер обычно был более сдержанным, но приближающее-

ся событие всех нас делало крайне нервными. Это были не просто слова – все члены стаи были словно единым механизмом, и боль одного всегда чувствовалась остальными. Не только боль – все чувства, подвластные обычным людям, обострялись в едином сознании нашей стаи. А уж раздражение, порой, бывало просто невыносимым.

– Мне нужно передохнуть, – наконец, сдался я, и тот, коротко кивнув, не стал мне препятствовать.

Сняв форму и убрав клюшку и перчатки в ящик, я отправился в душевую, надеясь, что хоть там смогу немного взбодриться. Но теплая вода лишь добавляла сонливости, а вот злость никуда не девалась. Да, я злился, и ничего сейчас с этим не мог поделать! Пусть десятки моих братьев чувствовали сейчас то же самое по моей вине, я просто не мог с собой совладать.

Решив не возвращаться на поле – от меня всё равно там сейчас не было никакого толку, я решил пойти домой, а, попросту сбежать. Выспаться – вот это было всё, чего я сейчас хотел, и мне было откровенно плевать на правила. В обычных человеческих школах давно наступили каникулы. Мы же, жители «резервации», как её называли местные, а официально – «Национального заповедника», истинного назначения которого обыватель не знал, должны были трудиться без выходных и прочих прелестей жизни, доступных самому простому человеку моего возраста. Это объяснялось тем, что энергия, бесконечно вырабатываемая в теле молодого оборотня, должна была всё время находить выход в мирное русло. Иначе... Иначе от её переизбытка могло произойти непоправимое.

Дождь почти прекратился, но тучи, что, казалось, навечно решили взять это небо в плен, никуда не делись. Настроение стремительно приближалось к нулю, хотя, казалось, падать ему и так уже ниже некуда – так паршиво я не чувствовал себя уже довольно давно. Надеюсь, что дома никого нет, я, не таясь, поднялся по небольшой лестнице, ведущей ко входу. Но, едва я распахнул дверь, на пороге меня встретила мама, что, сразу же почуяв неладное, нахмурилась и сложила руки на груди.

– Неужели занятия на сегодня уже закончились? – уже зная верный ответ, она продолжала надеяться на лучшее.

Я, тяжело вздохнув, ничего ей не ответил. Врать не хотелось, а правду она знала сама.

Сальма – так звали мою маму, больше не стала задавать глупых вопросов. Лишь разочарованно покачала головой.

– Ты напрасно так поступаешь, Джейк...

Я знал, что расстраивал её с каждым днём всё чаще и чаще. После несчастного случая, произошедшего с моим отцом, мы стали настолько близки, насколько могут быть близки мать и её ребёнок. Но тогда мне было восемь, и время шло, а я вырослел, и мы всё более отдаляясь друг от друга. Вернее, я от неё отдалялся, с каждым днём всё сильнее замыкаясь в себе. Мне очень бы хотелось, чтобы всё сложилось иначе, но душа требовала иного, чем обыденная жизнь затворника-оборотня.

– Мам... – я не знал, что сказать. Просто не понимал, как могу её утешить. Ведь Сальма ждала от меня одного, а моя собственная душа требовала другого. И чью бы сторону я в результате не выбрал, это всё равно было бы предательством – себя или матери. А потому я продолжал метаться в своих мыслях, жизни, так и не сумев определиться. Пока не сумев...

– Ты стал так похож на своего отца, – с горечью произнесла она, не желая даже выслушать то, что я хотел бы ей сказать. – В плохом смысле этого слова.

– На кого же мне быть похожим? – пожал я плечами. На душе сейчас было так пусто и плохо, что, казалось, хуже быть всё равно уже не может.

– Я надеялась, будет иначе...

Я не ответил ей. Просто не видел смысла этого делать. Мой отец, он думал так же, как и я. Его тянуло к людям, он хотел быть частью большего общества, нежели резервация себе подобных, запрятанная в глухом лесу. Он хотел быть простым человеком, за что и попла-

тился своей жизнью. Мир не принимает тех, кто не похож на его большую часть, кто всегда в меньшинстве. Того, кто может вызывать у него чувства опасности. Ведь болезнь легче предупредить, чем потом лечить. А оборотня лучше убить сразу, пока он не вонзил свои чудовищные клыки в чью-нибудь шею.